

Какую роль играет бытие, если оно не является реальным предикатом? К интерпретации диалога "Парменид".

Научный руководитель – Бугай Дмитрий Владимирович

Мехмет Балтаоглу

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории зарубежной философии, Москва, Россия

E-mail: meha97@hotmail.com

Как известно еще со времен Платона и Аристотеля, а может быть, и раньше, понятия бытия и единого – это наиболее общие понятия, которые присущи любой вещи. В самом деле, как что-то может быть не-сущим и неединым? Мы всегда говорим и мыслим, во-первых, что-то, и, во-вторых, нечто цельное и единое – о том, чего ни в каком смысле нет и что не поддерживает никакого единства, не может быть и речи: объект, какой бы он ни был, полностью разрушается. Я и далее употребляю термин "бытие" как указание на предметность объекта и термин "единое" как указание на целостность этого объекта.

Сложное обстоятельство возникает в связи с тем, что Аристотель пишет в "Метафизике" [1, Г, глава 2]: "Итак, сущее и единое – одно и то же, и природа у них одна". Далее он пишет, что нет никакой разницы, сказать ли "человек", "один человек" или "существующий человек" – смысл у них все равно один, хотя определения понятий "единое" и "бытие" отличаются [1, Там же]. Это действительно так, и Платон говорит те же самые слова в "Пармениде" [2, том 2, с. 369–370]: высказывание "единое есть" включает два разных понятия, поскольку это высказывание не тождественно высказыванию "единое едино", и первое высказывание имеет то любопытное свойство, что то целое нечто, которое описывается этим высказыванием, состоит из таких двух свойств, что каждое из них не может не включать в себя второе свойство. Действительно, если единое есть, то оно нечто целое, состоящее из двух свойств, и свойство "единое" должно, в свою очередь, быть целым и состоять из свойств "единое" и "сущее". Так же обстоит дело и со свойством "быть".

Итак, мы имеем дело с двумя понятиями, имеющими отличные определения, но ничего принципиального по смыслу не превносящих в высказывание. Понятие "бытие" не являются реальным предикатом, оно не различает субъект по сущности, если мы припишем ему бытие или отрицание бытия. Понятие "единое", истолкованное в платоновском и аристотелевском смысле как нечто целое, как некий целостный объект, – тоже ничего существенного не говорит нам об объекте. И это так только потому, что все, что может быть предметом разговора или мысли, обязательно есть нечто и есть нечто одно, целое: о "ничто", строго говоря, речи нет (хотя и в этот термин мы привносим некоторую долю бытия и благодаря этому можем иметь с ним дело в нашей мысли), и также о том, что "просто множественно", тоже не может идти речи, потому что любое множество мы воспринимаем как нечто одно, а без какого бы то ни было единства оно бы просто не могло быть схвачено мыслью – многое в таком случае даже многим быть не может, поскольку иначе "каждое из многого было бы **одной** частью **целого**" [2, том 2, с. 399–400]. Мы придем к явному противоречию и вынуждены будем отрицать последнюю посылку "многое не есть единое целое".

Какой тогда смысл в том, чтобы вообще думать о таких предельно общих вещах? Разве мы уже не сказали о них все, когда было показано, что любой встречающийся нам в мире объект, феномен и проч. обладает этими двумя характеристиками, которые предполагают друг друга и переходят из одного в другое (как говорили схоласты: "ens et unum

convertuntur")?

Смысл определенно есть: мы сможем показать, что единство и бытие – это два условия возможности вообще говорить нечто о вещах и мыслить.

Но Платон показывает нам разные возможности развития событий: мы можем заключить из того, что единое есть, его принципиальную не-множественность, и тогда единое никаким образом не может принять в себя предикаты, даже предикат "единое" и "бытие", поскольку оно настолько едино, что частей у него нет. Если же предположить, что единое есть, то оно уже не в строгом смысле единое, потому что приняло в себя предикат "есть" и стало целым — "единым сущим", которое состоит из "единого" и "сущего". Они отличны друг от друга, но каждый предикат предполагает, что в нем есть соседний — единое сущее стало вообще бесконечным и в него возможно вхождение любых предикатов.

Задача моего доклада будет заключаться в том, чтобы показать, что бытие, присоединенное к единому, образует некоторое целокупное и продуктивное соединение: оно открывает для этого единого сущего возможность иметь какие угодно предикаты, ведь если оно целое и в нем есть части, как было показано, то что мешает ему иметь целостность как свой предел, а части – как начало, середину и конец этого целого? Отсюда Платон выводит также возможность для такого единого иметь фигуру (прямолинейную, круглую или смешанную), величину, место, движение, покой, возраст и прочие характеристики, которые можно сопоставить с категориями Аристотеля. Кроме того, из этого сущего особым образом выводится возможность существования натурального ряда, а некоторые платоноведы даже проводят параллели между этими рассуждениями и трансцендентальной дедукцией категорий в философии Канта [3, p. 322].

Источники и литература

- 1) Аристотель, "Метафизика". Пер. и примеч. А.В. Кубицкого. М.-Л.: Соцэкгиз. 1934.
- 2) Платон, Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Мысль, 1990
- 3) Allen R.E., Plato's Parmenides, The Dialogues of Plato, vol. 4, Revised Edition, Yale University Press, New Haven and London, 1997